

В зале находилось множество поклонников, пришедших сюда ради самого Чжун Гуаньбая, а не его произведений. Среди зрителей были даже те, кто принёс светящиеся палочки, но, осознав, что обстановка не подходит для такого поведения, сразу же убрал их обратно в сумки.

Чжун Гуаньбай в смокинге вышел на сцену, и в тот же миг зал взорвался громкими возгласами и аплодисментами.

С изяществом и спокойствием он подошёл, чтобы пожать руку дирижёру и концертмейстеру оркестра, выглядя при этом как вежливый, но холодный джентльмен.

Затем он поклонился залу и, не сказав ни слова, сел на табурет у рояля.

В зале мгновенно воцарилась тишина.

Первым произведением стала одна из его самых известных работ — главная тема из фильма «Слышать звёзды» под названием «Звук звезды».

Чжун Гуаньбай слегка прикрыл глаза и поднял руки.

Ноты, словно струясь из кончиков его пальцев, коснулись клавиш. Струны зазвучали.

Прозвучала первая нота.

Спокойная и чистая фортепианная музыка лилась непрерывно, словно стремясь к небесам, чтобы стать одним из лучей Млечного Пути.

Эта мелодия была чрезвычайно известна, как и сам фильм, чей сюжет трогал до слёз. С первыми звуками музыки все в зале затаили дыхание.

Звуки фортепиано становились всё тише, к ним присоединился низкий голос виолончели, словно обвивающий мелодию, тихо повествующий о чём-то.

Музыка ускорялась, появлялись скрипки и альты. Звуки фортепиано и струнных переплетались, будто даже сердца слушателей начинали биться в унисон. Кто-то в зале уже вытирал слёзы.

Произведение постепенно приближалось к кульминации, когда вдруг дрогнуло веко Чжун Гуаньбая. Он поднял взгляд и, как и ожидал, встретил едва заметный взгляд дирижёра.

Зрители ещё не заметили ничего необычного, но дирижёр и сам Чжун Гуаньбай уже поняли: после вступления виолончели он сыграл неверный басовый аккорд.

Даже если сейчас никто в зале этого не уловил, как только запись концерта попадёт в сеть, обязательно найдутся те, кто услышит ошибку.

Чжун Гуаньбай с трудом собрался с духом и продолжил играть.

Сильной стороной его исполнения всегда были эмоции: бури и восходы, гром и снег — всё это можно было услышать в его игре. Но с того самого ошибочного аккорда его исполнение стало безликим, совершенно лишённым настроения.

Когда мелодия завершилась, зал наполнился аплодисментами.

Тан Сяоли как-то саркастично заметил, что среди тех, кто посещает концерты Чжун Гуаньбая, семь из десяти — поклонники его внешности, двое — его образа, и лишь один — его музыки, причём не профессионал. Настоящие любители классической музыки никогда не признают человека, который несколько лет не давал концертов, постоянно мелькает в телешоу и регулярно появляется в топе Вэйбо, настоящим музыкантом.

И он был прав.

Закончив играть, Чжун Гуаньбай почувствовал, что его спина покрылась холодным потом.

Он никогда прежде не испытывал ничего подобного. Его руки словно перестали быть его собственными. Сидя на табурете, он перевернул ладони и смотрел на свои пальцы, будто они принадлежали кому-то другому.

Внезапно раздалась шутивная мелодия скрипки, исполнившая одну из юмористических композиций из фильма «Слышать звёзды», словно пытаясь вовлечь зрителей.

Этого не было в программе. Чжун Гуаньбай, отвлечённый от созерцания своих пальцев, вдруг понял: это был намёк скрипача.

Он поднял руку, подхватил мелодию скрипки, и зрители начали хлопать в такт.

Сыграв этот короткий отрывок, Чжун Гуаньбай немного успокоился и начал готовиться ко второму произведению — «Концерту для фортепиано с оркестром № 2 си-бемоль мажор» Брамса.

Эта композиция начиналась с валторны, затем вступало медленное фортепиано, к которому позже присоединялись флейты и струнные.

Звуки фортепиано внезапно стали глубже, выводя основную тему.

Первый раздел этой композиции был длинным и сложным. Во втором разделе сразу же начиналась напряжённая и стремительная партия фортепиано. Когда Чжун Гуаньбай дошёл до середины второго раздела, перед его глазами потемнело, и в голове словно что-то резко дёрнулось, оставив после себя пустоту.

Оркестр продолжал играть, но звуки фортепиано внезапно оборвались.

Руки Чжун Гуаньбая задрожали.

Лишь немногие зрители заметили неладное. В этот момент произведение как раз перешло к части, где доминировала группа струнных, и отсутствие фортепиано не было столь заметным. Однако после этого величественного эпизода струнных должна была последовать арпеджио фортепиано.

Струнные закончили, но фортепиано не издало ни звука.

На сцене воцарилась гнетущая тишина.

Крупные капли пота скатывались со лба Чжун Гуаньбая и падали на клавиши.

В зале началось волнение.

Дирижёр тут же дал знак пропустить арпеджио и сразу перейти к соло валторны.

Но после валторны снова должна была следовать партия фортепиано.

Чжун Гуаньбай попытался подхватить мелодию валторны, но в его голове была пустота.

Его пальцы дрогнули, нажимая на клавиши и извлекая несколько бессвязных нот.

Произведение полностью вышло из-под контроля.

Оркестру пришлось снова перейти к группе струнных, чтобы завершить второй раздел. Вместо того чтобы плавно перевести медленные звуки валторны в напряжённые струнные с помощью мощных аккордов фортепиано, теперь переход оказался крайне резким. Добавьте к этому странные ноты, прозвучавшие в зловещей тишине, и даже зрители, не разбирающиеся в музыке, поняли, что произошёл сбой.

Взгляд дирижёра, полный вопросов, стал слишком откровенным. Волнение в зале переросло в шум. Кто-то спрашивал, что происходит, а кто-то уже начал выражать недовольство.

Чжун Гуаньбай сидел на табурете, опустив голову. Его лоб был покрыт потом, несколько капель упали на ресницы, будто он плакал.

В мёртвой тишине внезапно раздался громкий крик:

— Верните деньги!

Чжун Гуаньбай словно увидел здание.

Это здание, казавшееся снаружи целым, было поражено брошенным камнем, разбившим одно окно. Этого было достаточно, чтобы предсказать его крах. Дефекты, оставшиеся после проектирования и строительства, разрушения, вызванные использованием, — все следы были вывернуты этим камнем. В конце концов, все окружающие скажут: «Это никудышное здание, давайте снесём его».

Никто не вспомнит, что они когда-то восхищались им и восхваляли его.

Он медленно повернул голову, чтобы взглянуть на зрительный зал. Прожекторы били ему в лицо, не давая разглядеть ни одного лица внизу.

— Отстой!

— Что за ерунда!

— Я требую вернуть деньги!

Среди криков недовольства внезапно раздался голос:

— Гуаньбай, держись!

Многие в зале подхватили этот призыв, и аплодисменты постепенно заглушили крики о возврате денег. В конце концов, подавляющее большинство присутствующих были поклонниками, которые в одних ситуациях бывают строже, а в других — более снисходительны.

Чжун Гуаньбай некоторое время смотрел на зрительный зал, позволяя белому свету сцены ослеплять его.

Через некоторое время он, опираясь на рояль, встал и поклонился зрителям под прямым углом, а затем поклонился оркестру.

Трансляция в высоком разрешении показала, что в тот миг, когда Чжун Гуаньбай закончил кланяться, его глаза были полны кровеносных сосудов, а на ресницах блестело что-то — то ли пот, то ли слёзы.

Он выглядел как человек, осознающий свою неминуемую гибель.

Лу Цзаоцю никогда не видел Чжун Гуаньбая таким. Помимо боли, он почувствовал почти что чувство собственной несостоятельности. Он взял телефон, где в поле ввода оставались слова «Я тоже тебя люблю», но он не отправил их.

Он крепко сжал телефон и набрал номер:

— Закажите билеты на самолёт, возвращаемся в Пекин.

На другом конце провода ответили:

— Сейчас? Господин Лу, а как же турне...

Лу Цзаоцю:

— Замените меня.

— Но...

— Замените меня, — сказал Лу Цзаоцю.

— Господин Лу...

— Я возьму на себя ответственность.

Он положил трубку и посмотрел на экран ноутбука.

Чжун Гуаньбай смотрел на зрительный зал, и камера дала крупный план его лица.

Мелкие капли пота покрывали его лоб, и даже волосы, собранные на затылке, были пропитаны потом.

Он сказал:

— Простите.

Его губы дрогнули, и кадык тоже сдвинулся.

— Позвольте...

Лу Цзаоцю подумал, что Чжун Гуаньбай скажет: «Позвольте мне попробовать снова».

Чжун Гуаньбай смотрел на зрительный зал, и прожекторы делали его лицо бледным, как будто от него остались только кости.

На его лице лишь глаза всё ещё сохраняли цвет.

Кроваво-красный.

— Позвольте сотрудникам вернуть вам деньги.

Зал взорвался шумом.

Лу Цзаоцю смотрел на экран, крепко сжимая второй сустав мизинца левой руки.

Юй Бай просидел у двери дома Лу Цзаоцю больше десяти часов, до следующего дня, и к вечеру его подбородок покрылся щетиной. Каждый час он звонил Чжун Гуаньбаю, а в остальное время связывался с PR-отделом студии и листал Вэйбо.

К тому времени, когда его телефон разрядился и он подключил пауэрбанк, в сети уже начали распространяться видео с провального выступления Чжун Гуаньбая.

Когда он использовал второй пауэрбанк, PR-отдел студии выпустил пресс-релиз о болезни Чжун Гуаньбая, который попал в заголовки новостей, а Вэйбо был уже переполнен.

<http://bllate.org/book/15543/1382796>